

«ПУТИН»

**ПУТИН
ПОЧЕМУ ОН
СТАЛ ТАКИМ?**

Проект «Путин»

Дмитрий Ежков

Путин. Почему он стал таким?

«Алисторус»

2012

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Ежков Д. Г.

Путин. Почему он стал таким? / Д. Г. Ежков — «Алисторус»,
2012 — (Проект «Путин»)

ISBN 978-5-4438-0144-5

Питерский журналист Дмитрий Ежков был одним из первых, кто начал писать о Владимире Путине: еще в 90-е годы Ежков вел журналистские расследования о петербургских корнях и истории политической карьеры Путина. В начале 2000 года Ежкова неожиданно вызвали в Кремль и предложили войти в «кремлевский пул» – группу журналистов, сопровождающих В. Путина в поездке по России. Главная задача была «пропиарить» Путина, поднять его популярность в стране. В своей книге Дмитрий Ежков рассказывает, как создавался «пиар» Путина, как работал «кремлевский пул» журналистов. Помимо этого, автор на основе своих расследований прослеживает путь Владимира Владимировича с 1990 года до нынешнего времени, показывает трансформацию этого человека и пытается понять, почему Путин стал таким, каким стал. Многие свидетельства публикуются впервые, многие факты удивят как тех, кто до сих пор поддерживает Путина, так и тех, кто его терпеть не может.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-4438-0144-5

© Ежков Д. Г., 2012
© Алисторус, 2012

Содержание

Предисловие	5
Часть 1	9
Ленинград – Дрезден	9
Приход во власть	11
Крещение	13
Поражение	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дмитрий Ежков

Путин. Почему он стал таким?

Предисловие

В начале 60-х годов в Ленинграде в Басковом переулке жила крыса. На улице заканчивалась хрущевская оттепель, но крыса об этом ничего не знала. Однажды в подъезд вошел мальчик. Они встретились взглядами. Крыса решила не связываться с мальчиком и побежала вверх по лестнице. Мальчик взял палку и погнался за ней следом. Вскоре крыса оказалась на площадке последнего этажа. Мальчик, размахивая палкой, приближался. Крыса заметалась: бежать ей было некуда. Тогда она развернулась и отважно бросилась в атаку на своего преследователя.

«Это было неожиданно и очень страшно. Теперь уже крыса гналась за мной. Она перепрыгивала через ступеньки, соскакивала в пролеты... Там, на этой лестнице, я раз и навсегда понял, что означает фраза «загнать в угол», – спустя десятилетия напишет повзрослевший мальчик в своих воспоминаниях.

Крыса та давно издохла. Мальчик вырос и превратился в Президента России Владимира Путина. И только вопрос – что делать тому, кого загоняют в угол, не потерял актуальности.

* * *

Активный интерес к личности Путина возник осенью 1999 года, после его назначения премьером «с перспективой». Разумеется, о существовании Путина народные массы знали и раньше. Но знали не столько как личность, а скорее как фамилию, которая звучала в сочетании – то с Администрацией Президента, то с ФСБ. Массы хотели знать, а окружение Путина хотело рассказать, потому что одним нужно было выбирать другого. В середине осени мне, бывшему питерскому журналисту, предложили написать большой материал о Путине – о его петербургских корнях и истории политической карьеры.

Я не был знаком с Путиным близко, но несколько раз имел возможность наблюдать его в ситуациях для него сложных, почти критических. А именно в таких ситуациях, как известно, лучше всего проявляется характер и позиция человека. К тому же, занимаясь в Питере журналистскими расследованиями, я неоднократно касался тех же тем, которыми по роду своей службы занимался и председатель Комитета мэрии Петербурга по внешним связям. Одним словом, я имел о Путине заочное представление и видел, что называется, вблизи.

К декабрю 1999 года материал под названием «Чужой» был готов. Несмотря на то, что к тому времени Путин уже три года жил в Москве, мне он казался лицом, чуждым московской тусовке, не вписанным в ее интерьер. Первым делом я, разумеется, отвез материал в Питер

и показал людям, которые и сегодня входят в ближний круг Президента. Материал был одобрен, и я передал его в аппарат правительства – людям, которые должны были участвовать в раскрутке имени будущего преемника. Те, в свою очередь, передали материал в «Огонек». Он был заверстан и полностью подготовлен к печати.

Наступил Новый год, а вместе с ним и главное политическое событие Миллениума – уход Ельцина в отставку и передача полномочий Путину. Вскоре после Нового года мне перезвонил ответственный секретарь «Огонька» Сергей Козицкий и сказал, что материал с печати снят по звонку из Кремля.

– А кто снял? – поинтересовался я.

– Главному звонил Громов, пресс-секретарь президента, – ответил Сергей. – А кто принимал решение, мы не знаем.

Тогда я набрал заветный петербургский номер, объяснил ситуацию и через несколько дней уже сидел в кремлевской приемной Игоря Сечина, который следом за новым назначением Путина возглавил его личную канцелярию.

Сечин назначил встречу на семь вечера. В приемной вместе со мной сидели несколько человек, в который раз перечитывая табличку, запрещающую пользоваться мобильными телефонами. Часам к девяти в приемную заглянул Грызлов. Он был только что назначен лидером «Единой России». Я помню свое удивление от того, насколько живой человек не соответствовал его телевизионному образу. Сдержанный и корректный на экране, в жизни Грызлов не мог скрыть гордости от своего нежданно-негаданного возвышения. Даже не взглянув на собравшихся, он остановился посреди приемной.

– Игорь Иванович на месте? – поинтересовался он у секретаря.

Получив отрицательный ответ, Грызлов чинно удалился.

А мы продолжали ждать. Сечин приехал часам к десяти. Он безнадежно обвел глазами собравшихся, выяснил, кому и что от него нужно, и каждому повторил практически одну и ту же фразу, предложив встретиться на следующий день в то же время.

На следующий день ситуация практически один в один – только уже без – Грызлова, повторилась. На третий день я знал в деталях каждую пуговицу на одежде собравшихся там людей. И они на моей – тоже.

– А мы с вами все сидим, – сказал мне приятного вида человек, когда третий вечер нашего совместного ожидания подходил к концу.

– Да, у нас тут клуб любителей Игоря Сечина, – попытался пошутить я.

Мой собеседник кинул на меня быстрый внимательный взгляд и немедленно замолчал. Мне стало неловко за некорректную шутку. Через пару недель человек из приемной превратился в министра сельского хозяйства Алексея Гордеева.

* * *

Главный путинский оруженосец принял меня уже в одиннадцатом часу вечера. Скорее всего, я видел Сечина раньше, в Смольном, но совершенно не помнил его по Петербургу. Как, впрочем, и он меня тоже. Я с интересом рассматривал его и вновь поймал себя на мысли, которая впервые появилась у меня еще в Питере: даже не харизматичный по природе своей Путин все-таки на голову выше людей, которые окружают его ежедневно. Вот этот коренастый подвижный человек со стриженной квадратной челкой и был тем всесильным и таинственным Сечиным, который мог если не все, то почти.

Сечин вставил дискету в компьютер и при мне тут же прочитал материал.

– Ну, что касается взаимоотношений Патрушева и Степашина, тут не совсем верно, – произнес наконец Сечин.

– Поправим, – с готовностью ответил я.

– А все остальное вроде ничего, – добавил Сечин.

– Дело в том, – перешел я к сути дела, – что кто-то из Администрации остановил публикацию материала. Я, собственно, пришел не с претензиями, а всего лишь хотел понять: кто и по какой причине?

Сечин снял трубку внутреннего телефона. Через пять минут в кабинет вошел Громов, пресс-секретарь Президента. Сечин даже не предложил ему сесть. Громов стоял посреди кабинета, а мы оба сидели. Я понял, что моя карьера политического журналиста на этом бесславно окончена: ни один человек – а тем более из коридоров власти – никогда не простит такого унижения.

Передавать разговор Сечина и Громова смысла нет. Да я его и не помню. Разумеется, Громов не ответил на главный вопрос: кто и по какой причине.

– Одним словом, берите этого человека, – кивнув на меня, сказал Сечин, – и работайте с ним.

– Мы можем включить его в кремлевский пул, – ответил Громов. – Ближайшая поездка – в Иваново.

– Вот и отлично, – подвел итог беседе Сечин.

О моем материале, который все еще висел на экране его компьютера, он ничего не сказал.

* * *

Накануне 8 марта 2000 года в составе кремлевского пула – журналистов, сопровождающих президента, – я поехал в свою первую и, как и ожидал, единственную в этом качестве поездку.

Интересным в ней было только неожиданное появление фигуры Чубайса. Не секрет, что отношения этих двух давно и хорошо знающих друг друга петербуржцев во второй половине 90-х были далеки от идиллических. В 96-м году Чубайс, оказавшись в кресле руководителя Администрации Президента, сократил должность, которую должен был занять на то время безработный Путин. Ни тот ни другой, разумеется, этого не забыли. Но ситуация изменилась, и Чубайсу нужно было срочно восстанавливать отношения с без пяти минут Президентом.

Чубайс сидел в зале – не в первых рядах и не в последних. Тихий и незаметный, он внимательно слушал, как Путин поздравляет ивановских ткачих с наступающим праздником. Если бы Чубайс был чуть менее умным человеком, какой он есть на самом деле, он должен был бы взять в руки карандаш и показательно конспектировать каждое слово будущего народного избранника.

По завершении короткого визита Путина в Иваново состоялся традиционный, так называемый, подход к прессе. Громов раздал журналистам вопросы – кто и о чем должен был спросить и.о. президента. Я на эту роль не претендовал и в этот узкий круг избранных не попал.

Меня удивило тогда даже не то, что журналисты вынуждены были задавать Путину вопросы, придуманные кем-то в Кремле. А то, что никто никаких других вопросов задать главному лицу страны не мог. Даже если кто-то не по сценарию поднимал вверх руку, Громов все равно давал слово только тем, с кем все было оговорено заранее.

Во время этой встречи я заметил, что Путин внимательно смотрит на меня. Зная его прекрасную память на лица, я не сомневаюсь, что он меня узнал. Когда мы встретились взглядами, Путин несколько поспешно перевел глаза на кого-то другого.

Позже, случайно общаясь с людьми, знавшими его еще по Германии, мы обменялись впечатлениями. Путин, безусловно, узнает людей, знавших его по прежней жизни. Но – как человек осторожный и недоверчивый, он не знает, что ему ждать от этих встреч. Внутренне он всегда готов к провокации в свой адрес. А лучших провокаторов, чем люди из прошлого, не найти.

Поэтому безусловно одно: подобные встречи не вызывают у него восторга, если, конечно, он предварительно сам не дал на них согласия.

* * *

Больше я с Путиным никуда не ездил. Без малейшего сожаления расставшись с идеей заняться политической журналистикой, я засунул материал, с которого все начиналось, в дальний угол компьютера и забыл о нем на годы. А сам занялся совершенно другими делами.

Но с годами мне все меньше нравилось то, что происходит в стране. Я перешел работать на НТВ почти сразу после разгрома его первого, и лучшего, состава. Когда говорят, что летом 2001-го там было пепелище, это правда.

Я еще оставался на НТВ, когда снимали Йордана – за то, что канал в прямом эфире показал штурм на Дубровке. Каждый день на канале ТВЦ, где я одновременно подрабатывал, начинался слухами о его закрытии. И однажды эти слухи подтвердились.

Потом последовала история с назначением губернаторов. Мы даже не заметили, как лишились верхней палаты парламента. В стране вновь возобладала психология запретов и иждивенчества. Новости смотреть стало невозможно.

И я почувствовал себя крысой, которую некто с палкой в руках гонит вверх по лестнице. И еще несколько ступенек – и я буду вынужден принимать какое-то неприятное для себя решение. Я честно сказал себе, что если тут опять начнут стрелять, ни к какому Белому дому я не пойду.

Тогда я подумал, что если мы постоянно говорим о формировании в стране гражданского общества, то почему бы не начать с себя. И я позвонил своей доброй знакомой и сказал ей: «Ты знаешь всех. Сведи меня с кем-нибудь: я хочу вступить в политическую партию». Знакомая долго смеялась. Она сказала: «Ты же – журналист. Напиши то, что думаешь, и опубликуй. Это и будет лучшим проявлением твоей гражданской позиции». Тогда я вытащил из дальнего угла компьютера материал, написанный семь лет назад, чтобы ответить – в первую очередь самому себе – на вопрос: как из лучших учеников «отца русской демократии» Анатолия Собчака можно за столь короткое время превратиться в «душителя свобод» и «без пяти минут диктатора»? И было ли превращение? И кто в этом виноват?

А то, что ответ на эти вопросы нужно искать в прошлом, для меня очевидно.

Часть 1

Поражения и победы В. Путина

Ленинград – Дрезден

Владимир Путин был поздним ребенком: обоим родителям к моменту его рождения исполнилось по сорок лет. Это была типичная ленинградская рабочая семья: жила в коммуналке в центре города, отец работал на заводе.

За время учебы будущий президентский наследник сменил две школы. Первая – районная общеобразовательная, там он проучился восемь лет. Вторая – специализированная, с химическим уклоном. Туда нужно было сдавать экзамены и непременно иметь пятерку по химии. Экспериментальной школе сопутствовал известный дух шестидесятничества: относительная свобода мнений, невозможная в других местах такая форма обучения, как дискуссия. К основному предмету, химии, Володя Путин так и не проникся большой любовью, зато активно интересовался обществоведением и добровольно входил в кружок политинформаторов.

Сразу после окончания он поступает на юрфак ЛГУ и в 1975-м благополучно его оканчивает. Одним из преподавателей, который вел у него семинары по хозяйственному праву, был Анатолий Собчак. Позже он сыграет одну из ключевых ролей в биографии Путина.

После университета – если верить официальной версии, по распределению – Владимир Путин поступает на службу в Управление КГБ СССР по Ленинграду и области. Чем занимался он первые годы, проведенные в этом учреждении, известно мало. Поворот наступает в начале 80-х годов: Путин поступает в разведшколу и переходит на службу в Первое Главное управление – разведывательное подразделение КГБ. После окончания разведшколы, в 85-м году, его направляют в Германию, в представительство КГБ при МГБ ГДР.

В Восточную Германию Путин приезжает в звании майора и как оперативный сотрудник курирует дрезденский округ.

С одной стороны, он получает то, к чему стремился, – самостоятельную и ответственную работу, его непосредственное начальство находится в Берлине, с другой – очевиден карьерный мотив этого этапа биографии – в Ленинграде Путин мог сидеть долго, никем не замеченный.

Незадолго до отъезда Путин женится на сестре своего сокурсника по университету – Людмиле, деятельной, общительной и привлекательной девушке, которая моложе его на шесть лет. К этому времени Путину исполнилось уже 32 года, и можно предположить, что активное развитие семейных отношений связано с предстоящей командировкой: устойчивая и полноценная семья – такой же необходимый элемент карьеры разведчика, как и членство в рядах КПСС. В Германии с интервалом в полтора года у Владимира и Людмилы родятся две дочери: Маша и Катя.

* * *

Путину повезло – его предшественники по дрезденской резидентуре оставляют ему в наследство сильную, профессионально подготовленную и годами отработанную агентурную сеть. Среди тех, с кем довелось иметь дело Путину, были люди, сотрудничавшие с советской разведкой еще с 30-х годов. Их не нужно было ничему учить, они все прекрасно знали сами, нужно было лишь направить их, выдать задание.

Позже, уже вернувшись на Родину, Путин очень болезненно переживал объединение Германии, считая, как и многие его соотечественники, что там произошла фактически добровольная сдача позиций Советского Союза. Спустя годы в неофициальных беседах Путин довольно эмоционально говорит в первую очередь о фактах передачи новым властям Германии агентурных дел людей, работавших с советской и восточногерманской разведками, расценивая это как предательство по отношению к бывшим секретным сотрудникам.

Уже тогда, в Германии, ярко проявились качества характера Путина, которые он неизменно пронесет через всю жизнь и которые станут основой его движения вверх по карьерной лестнице, – осторожность в принятии решений, отсутствие стремления брать на себя лишнее и глубокий рационализм. Путин не делает импульсивных, необдуманных поступков, не хлопает дверью и не предаётся душевным порывам. Он не демонстрирует ни дурного настроения, ни чрезмерной радости. Довольно эмоциональный и темпераментный по натуре, он легко владеет своим внутренним миром, оставаясь внешне корректным, деловым и дежурно приветливым человеком, не оставляющим сомнения в своей неспособности нарушить инструкцию.

В 1989 году в звании подполковника Путин уезжает из Германии. Показатели его безупречны, но отношение как к человеку сложное: многие видят в нем лишь прагматичного карьериста, закрытого от посторонних, невпечатлительного человека, идущего к какой-то своей одному ему известной цели.

Четырехлетнее пребывание в Германии – пусть и Восточной – окажет ему по крайней мере две неопределимые услуги. Много общаясь с местным населением, по долгу службы вникая в уклад жизни и ментальность немцев, Путин хорошо поймет основы западной культуры, строй мысли европейского человека. Больше такой возможности ему никогда не представится: работая в мэрии Петербурга, он будет выезжать на Запад только в составе официальных делегаций с неизбежными в таких случаях ограниченными возможностями увидеть и понять.

Второе приобретение – это язык. Путин в совершенстве говорит по-немецки, причем благодаря, очевидно, врожденному дару легко схватывает даже языковые оттенки: в Мюнхене он говорит по-баварски, в Берлине, соответственно, на берлинском диалекте. Способность к языкам еще раз проявит себя позже, когда уже в зрелом возрасте Путин неплохо выучит английский язык.

Из Германии – в полном соответствии с канонами того времени – Путин привезет 24-ю «Волгу», на которой будет лихо заруливать в основном Людмила, и вместе с семьей поселится в трехкомнатной квартире своих родителей на Средней Охте.

Приход во власть

С 1989 года начинается, по сути, гражданская жизнь Владимира Путина. Оставаясь в действующем резерве КГБ, он займет должность сначала помощника, а потом проректора ЛГУ по международным вопросам. Традиционно – также как первые помощники капитанов на судах заграничавания – назначения на эти должности считались прерогативой «органов». Окончательно он уволится из КГБ только в 92-м году. Здесь, в университете, произойдет встреча двух старых знакомых: бывшего студента и его преподавателя. Собчак с интересом отнесется к Путину, тем более что им приходится пересекаться по рабочим делам.

Весной 1990 года перед вновь избранным демократическим Ленсоветом встанет проблема лидера. Выбор падет на уже хорошо известного, «раскрученного» первым съездом народных депутатов СССР Анатолия Собчака. После некоторых колебаний тот согласится, в сжатые сроки будут проведены его выборы в Ленсовет, а уже в мае Собчак изберут его председателем. Весной 1990 года в Петербурге не было власти – никакой. Старого Ленсовета уже не существовало. А новый – демократический – первым делом парализовал работу Ленгорисполкома и только потом задумался, что делать дальше. Едва ли ни единственным человеком, кто в этих условиях пытался поддерживать городское хозяйство, был первый заместитель председателя Ленгорисполкома Алексей Большаков. Спустя шесть лет именно Большаков, ненадолго войдя в Правительство России, сделает все от него возможное для переезда Путина в Москву.

А у нового Ленсовета не было тогда даже председателя. Договориться о лидере из числа собственных депутатов не удавалось. И тогда возникла компромиссная фигура уже хорошо известного в народе Анатолия Собчака. Собчак был депутатом Верховного Совета СССР, членом Межрегиональной группы, но к Ленсовету не имел никакого отношения. Срочно были организованы довыборы в Ленсовет. Собчак стал его депутатом, и тут же были назначены выборы председателя.

Я был свидетелем этого исторического события. Когда началось голосование, Собчака в Белом зале Мариинского дворца не было. Потом в зал вошли несколько женщин с большими букетами цветов. И – уже к финалу этого мероприятия, одетый в элегантный светлый костюм, появился Собчак. Он прошел по центральному проходу и присел на свободное кресло с краю. Не сел, а именно присел. Потому что в следующую минуту были оглашены результаты выборов, в результатах которых Собчак не сомневался.

* * *

Вскоре в кабинете Собчака и появился скромный и неприметный проректор Ленинградского университета, кадровый офицер разведки Владимир Путин.

Строго говоря, у Собчака никогда не было сплоченной команды – ни в 90-м году, ни в 96-м, когда он проиграл губернаторские выборы. Путин станет одним из немногих, кто неизменно пройдет с ним этот путь и кому Собчак будет доверять безоговорочно. Все эти годы Собчак в приватном общении будет называть Путина «Володей», но, по университетским традициям, разумеется, на «вы». А Путин, отдавая дань разнице в возрасте и положении, всегда будет почтительно обращаться к Собчаку по имени-отчеству.

Летом 90-го года начинается совместная работа Путина с Собчаком. Путин сидит в его приемной и фактически исполняет обязанности и помощника, и референта, и доверенного лица. В это же время формируется новый Ленгорисполком. С подачи Собчака его председателем становится Александр Щелканов, тоже член Межрегиональной депутатской группы. Единственный человек в этой пестрой команде, кто знает городское хозяйство, – Большаков. Но решением Собчака его увольняют.

Городское хозяйство разваливается, и это очевидно всем. Но вместо того, чтобы сосредоточиться на управлении городом, Щелканов занят только тем, чтобы выкурить из Смольного обком партии и въехать туда самому, со своими подчиненными. Между Собчаком и Щелкановым назревает конфликт, течение года он лишь углубляется, и весной 91-го года начинается срочная подготовка документов по формированию нового органа власти – мэрии. 12 июня 91-го года жители тогда еще Ленинграда избирают Собчака мэром города. Первым кадровым решением мэра становится назначение своим заместителем, председателем Комитета внешних связей Владимира Путина, с окладом 1200 рублей.

Публичная деятельность для Путина в новинку, он осторожен.

– Наша главная задача, – говорит Путин в своем первом интервью, – координировать и направлять действия участников внешнеэкономических связей, снабжать их необходимой информацией, помогать заключать сделки, находить достойных зарубежных партнеров.

В Путине говорит в большей степени разведчик, ступивший на минное поле, чем менеджер городского уровня. Он с трудом подбирает нужные слова, употребляет такие выражения, как «валютный кошелек города». На пути «унизительного процесса» – получения гуманитарной помощи из-за рубежа – собирается ставить «дамбу». Он скован, зажат, и это заметно.

Жителям Петербурга о существовании Путина известно, но большого интереса к его личности нет. Путин держится в тени своего харизматичного шефа, редко дает интервью, ни с кем публично не конфликтует. Путин вроде бы есть, но человека за должностью не видно.

В коридорах Смольного, однако, ситуация другая. В отличие от конфликтного Собчака Путин легко находит общий язык с директорами оборонных предприятий, с армией и силовыми структурами. Жизненным опытом Путин превосходит тех, с кем свела его судьба на новом поприще. Кудрин уже курирует городские финансы, но за плечами у него, кроме университета и аспирантуры, практически ничего нет. А Греф и вовсе еще сидит в Петродворцовом районе, только начиная заниматься городской недвижимостью.

Крещение

Впервые Путин привлекает к себе внимание в феврале 1992 года, когда в Петербурге, независимо друг от друга, разразилось два скандала. В центре одного из них оказался Путин, другого – Степашин.

Они – одногодки, оба – офицеры: один из КГБ, другой – политрук из милиции. В разное время они занимали одни и те же должности: председателя ФСБ и премьер-министра. Поэтому их интересно сравнить. Тем более что из похожих ситуаций они выходили с разными результатами.

На послепутчевой волне, в ноябре 91-го года, Степашина назначают начальником Управления АФБ (так в то время называлась ФСБ) по Петербургу и области. Демократ, депутат Верховного Совета России, сблизившийся с Ельциным, Степашин был принят в здании вчерашнего КГБ, мягко говоря, болезненно. Реальная власть в Управлении принадлежала начальникам служб. Начальником службы «ОП» (организованная преступность) был Николай Патрушев. Я отлично помню, как шел по коридору здания на Литейном с начальником другой службы – «Т» (терроризм), Владимиром Груниным. Когда речь зашла об их новом начальнике – Степашине, Грунин лишь снисходительно улыбнулся.

– Это ненадолго, – пообещал он.

И не ошибся.

Против Степашина никто не выступил открыто, но в дело вступили отработанные схемы из арсеналов КГБ. В поле зрения чекистов попадает приятель Степашина, недавно назначенный главой Красносельской администрации Анатолий Карагополов. В отношении Карагополова – даже не милиция, а сама АФБ возбуждает уголовное дело. Карагополова обвиняют в получении взятки от Петербургского инновационного банка. В деле также фигурирует ремонт личной машины Карагополова за государственный счет и присвоение рулона государственного линолеума. Шумно, показательно проводятся обыски в Красносельской администрации. Карагополова берут под арест прямо на рабочем месте, на глазах посетителей.

На первых же допросах в деле замелькала фамилия Степашина. Карагополов рассказал, что действительно по дружбе подарил ему хорошие командирские часы. Степашин оказался в глупом положении. Дело вели его новые подчиненные, а часы – хоть и не взятка, но факт неприятный. И главное, Степашин никак не мог повлиять на ход дела. Осенью того же 92-го года Степашина бесславно заберут из петербургского управления. Расчет питерских чекистов оправдается, но довольно неожиданным образом: Степашина назначат заместителем директора АФБ (ФСБ) России.

* * *

Ровно в это же время Питер сотрясает другой скандал, в центре которого – Путин. К началу зимы 1991 года город оказался фактически на грани голода: мэрия не имела ни одного договора на поставки в город продовольствия. Комитет внешних связей, возглавляемый Путиным, находился в поиске: нужно было что-то быстренько продать, а на вырученные деньги купить продукты за границей.

Вскоре мэрия обращается в Правительство России с просьбой разрешить продать на Запад сверх разрешенных лимитов 150 тысяч тонн нефтепродуктов, 14 тонн редкоземельных металлов, а также черные и цветные металлы, аммиак, цемент и лес. Учитывая особую значимость этих операций, было предложено освободить их от таможенных сборов.

5 декабря на письме появляются две визы: министра внешнеэкономических связей Петра Авена – «Разрешить выдачу квот» и вице-преьера Егора Гайдара – «Согласиться».

Закключаются необходимые договора. Однако 15 января таможня Петербурга задерживает судно, вывозившее сырье за границу, и отказывает в выдаче деклараций: уполномоченный МВЭС по Северо-Западу счел визу вице-премьера недостаточной и потребовал решения правительства.

Начинается конфликт двух параллельных структур – уполномоченного МВЭС и Комитета мэрии по внешним связям. Первая отгрузка проводится только 23 февраля – «под личную ответственность товарища Путина». Спустя непродолжительное время – вторая, и последняя. За всю зиму по этим договорам город получает только 128 тонн растительного масла, и те – авансом.

Начинается скандал. В качестве главного виновника срыва поставок продовольствия называется Путин. Собчаку предлагают отстранить его от занимаемой должности.

Разумеется, Собчак заявил, что «не намерен принимать меры по отношению к Путину. Наоборот, его работа «полностью устраивает» мэра. Собчак также сказал, что «никаких злоупотреблений не было», а все обвинения в адрес Путина «не имеют под собой оснований».

– Если будет образована какая-то экспертная группа, – заявил тогда сам Путин, – она получит возможность проверить цены. И я лично буду благодарен, если после этой экспертизы мы найдем новых партнеров (имеются в виду фирмы-посредники, вывозившие сырье. – Д.Е.). Лишь бы дело не кончилось тем, что и старые разбегутся.

* * *

Финалы двух, в чем-то похожих историй, героями которых стали Степашин и Путин, совершенно разные. В 93-м году дело Анатолия Карагополова было передано в гарнизонный суд (Карагополов – офицер. – Д.Е.). Дело это было уже не только никому не нужным, но, наоборот, крайне неуместным, потому что Степашин к тому времени уже работал на Лубянке. Во время первого же заседания в здании суда начался пожар. Горел кабинет военного судьи, председательствующего в деле. Я разговаривал с ним и его начальником уже после пожара.

– Что у вас было под столом? – спросил военного судью один из пожарных, заливавших огонь.

– Ничего, – ответил тот.

– Посмотрите, – сказал пожарный и направил струю из брандспойта под стол. Вместо того чтобы гаснуть, огонь стал разгораться еще сильнее.

Расчет тех, кто поджег гарнизонный суд, был прост. Уголовное дело Карагополова хранилось в кабинете судьи. Первое заседание – всегда предварительное. На нем устанавливается личность обвиняемого, проводятся другие юридически необходимые, но бессодержательные процедуры. Судья не должен был забирать в зал заседаний все тома уголовного дела, ему было достаточно лишь одного – первого. Судья, однако, попросил перенести в зал заседаний все, что было по делу, и лишь это спасло материалы от пожара. Зато в огне сгорело все имущество военного судьи: он был переведен в Петербург из Германии незадолго до этих событий, еще не успел получить квартиру и все нажитое имущество, включая мебель, хранил в комнате отдыха по соседству с собственным кабинетом.

Уже много позже, в бытность работы премьер-министром, Степашин получит прозвище «пластилиновый генерал». А Путин после истории с поставками продовольствия в 92-м году становится другим. Он превращается в бойца, утрачивает иллюзию безграничности компромисса. Он уже не подбирает мучительно слова – бессмысленные и обтекаемые. Он начинает резать что-то хорошо знакомое, похожее на «мочить в сортирах». Уже в апреле того же года мэр Петербурга и министр внешнеэкономических связей России подписывают соглашение о ликвидации института уполномоченного МВЭС по Северо-Западу, а самого уполномоченного передают в распоряжение Комитета мэрии по внешним связям, то есть «товарища Путина».

За пять лет, которые Собчак занимал должность мэра Петербурга, он редко бывал в городе. Собчак постоянно находился в разъездах. В газете, где я тогда работал, даже придумали рубрику для официальной хроники – «Пролетая над Санкт-Петербургом». «На хозяйстве» за себя Собчак оставлял Путина, не сомневаясь ни в его организаторских способностях, ни в личной преданности.

К 93-му году конфликтный и эмоциональный Собчак успел напрочь испортить отношения с московской политической элитой. Осенью того же года была предпринята попытка отстранения его от власти. В недрах Генеральной прокуратуры зародилось уголовное дело по факту махинаций с квартирами. Собчак не имел к этим квартирам никакого отношения, но был привлечен к делу как свидетель.

Осенью 93-го был подготовлен план задержания Собчака – в расчете, что он превратится в обвиняемого. Его должны были задержать в аэропорту – по возвращении из очередной командировки и поместить в изолятор. День задержания – пятница – тоже был выбран не случайно. В выходные дни Собчаку намного сложнее было бы заниматься собственным освобождением.

Собчака спас Путин. Он очень вовремя выслал в аэропорт усиленную охрану. Свои люди, по сути, взяли Собчака в кольцо, и он беспрепятственно добрался до Смольного. А там – с правительственной связью и преданными людьми под боком – Собчак смог «решить вопрос».

Поражение

Вряд ли я ошибусь, если выскажу предположение, что 96-й год был самым сложным и кризисным за последние годы жизни Путина. Губернаторские выборы 96-го года были личным поражением Путина, равного которому в его биографии не просматривается.

Собчак практически не сомневался в своей победе и поначалу рассматривал выборы как досадную, но неизбежную помеху в работе. Его избирательный штаб формировался из людей случайных, а часто – и вовсе незнакомых Собчаку. Возглавил штаб депутат Ленсовета Прохоренко. Уже после поражения Собчака Прохоренко одним из первых перебежит к победителю – Владимиру Яковлеву – и займет место в его свите.

Рейтинг Собчака к 96-му году был уже невысок. Он раздражал многих. Его официальная хроника того времени – бесконечные презентации, балы, отчеты о поездках за границу. Однако главным было не это. Против Собчака единым фронтом выступила московская тяжелая артиллерия: Коржаков – как олицетворение силовых структур и Сосковец – военно-промышленный комплекс.

Предложение выставить на выборах свою кандидатуру против Собчака получили многие. В их число вошли все без исключения вице-мэры, включая Путина. Предложение получили такие известные люди, как, к примеру, Галина Старовойтова. Но если не принимать во внимание «самотек» – случайных людей, отказались все, за исключением одного – Владимира Яковлева.

Петербуржцы Яковлева практически не знали. Его сфера деятельности – дороги, строительство – такая нужная в повседневной жизни – редко была объектом публичного внимания. Поэтому Яковлева приходилось раскручивать с нуля.

Две влиятельные в то время петербургские структуры – «Союзконтракт» и «Балтонэк-симбанк» – дали деньги на выборы обоим – и Яковлеву, и Собчаку. У Собчака других денег не было. А вот в Яковлева вложился московский бизнес. И это был уже совершенно другой бюджет.

Размах избирательной кампании Яковлева производил впечатление: лучшие политтехнологи страны, телеведущие с центральных каналов, заместители руководителей федеральных силовых ведомств – все были в Петербурге.

* * *

Яковлев стремительно набирал рейтинг, а Собчак так же стремительно терял то немногое, что у него было. В этой ситуации заместители Собчака заняли выжидательную позицию. Путин, как водится, «сидел на хозяйстве» и продолжал заниматься городскими делами – так решил Собчак. Когда стало ясно, что в его избирательной кампании творится что-то неладное, произошли перестановки. Избирательный штаб возглавила супруга Собчака – Людмила Нарусова. То, что стало происходить потом, чем-то напоминало зубную боль.

Рекламная кампания под руководством Нарусовой проходила под лозунгом «Мэра – в губернаторы». Весь город оклеили плакатами, на которых улыбающийся цветущий Собчак стоял на фоне городских достопримечательностей. На плакатах достопримечательности выглядели неплохо. В каком состоянии они были реально, петербуржцы знали отлично.

Ничего хуже придумать было невозможно. Собчак, который и без того намозолил всем глаза на телеэкране, с его голосом, характерные интонации которого занозой сидели в ушах каждого жителя города, теперь, улыбаясь, смотрел на них с каждого фонарного столба. Это могло вызывать только одно чувство – глубокой ненависти к кандидату.

Путин бросил все и кинулся в омут избирательной кампании, когда ее исход был предreshен. Его служебный «Ниссан» метался между телевидением, дружественными банками, избирательным штабом, чьими-то дачами.

В мэрию в те дни Путин не заезжал вовсе. Я это знаю точно, потому что все заместители Путина были в срочном порядке мобилизованы и сидели у нас на Васильевском острове, на частной телестудии, где я тогда работал. Алексей Миллер – нынешний руководитель «Газпрома» – тоже сидел рядом со мной в аппаратной и лично водил ручкой по бумаге, работая над какадровым текстом для фильма, рассказывающего о достижениях мэрии за отчетный период. Будущий заместитель Миллера в «Газпроме» ездил с нашей съемочной группой по объектам города, помогая организовать съемки и договариваясь с руководителями. Время от времени появлялся и сам Путин – в свитере, плохо понимающий, какой день на календаре и какое время суток за окном.

* * *

Работая над первой версией этого материала, я задавался вопросом: понимал ли Путин, что шансов выиграть выборы у Собчака не оставалось практически никаких? Спустя несколько месяцев в своей книге «От первого лица» Путин сам ответит на этот вопрос: конечно, понимал. До самого последнего момента он мог сохранить за собой место в новой администрации. И тем не менее сжег мосты.

Много позже, в декабре 99-го года, я ехал с Собчаком в одной машине. Проигранные выборы и последовавшие за ними два года его парижской эмиграции были позади. Порядком изменившийся, постаревший Собчак рассказывал, как он пешком ходил по Парижу, потому что не хватало денег на метро, как он на тесной кухне приятеля, приютившего его во Франции, сам готовил себе нехитрый ужин. Когда речь зашла о Путине, Собчак произнес примечательную фразу: «Если бы мой предвыборный штаб с самого начала возглавил он, все было бы иначе». Собчак сказал это как человек, у которого была возможность подумать и осмыслить события того времени.

А весной 96-го думать было уже некогда: до выборов оставались считанные недели. Первым делом Путин попытался повязать все окружение Собчака, представив его населению как единую сплоченную команду.

Был подготовлен текст обращения к жителям города. Первый, рабочий, вариант этого обращения готовился там же, на нашей телестудии на Васильевском острове, в маленьком кабинете президента компании. Присутствовали четверо. Трое из них диктовали текст: высказывали вслух свои мысли, идеи, дополняли друг друга. Один эти мысли записывал на бумаге, придавая им форму. Человеком, который записывал, был я. Одним из тех, кто диктовал, – Путин. Готовый текст, впрочем, показался Путину слишком литературным и в свет вышел вариант, написанный где-то в другом месте.

С каждым из членов правительства Петербурга в отдельности Путин провел переговоры. Все, кроме, разумеется, Яковлева, текст заявления подписали, и оно было опубликовано. В обращении к жителям члены петербургского правительства заявляли о своей коллективной отставке в случае проигрыша на выборах Собчака.

Независимо от избирательного штаба, возглавляемого Нарусовой, – хаотичного и невнятного, – Путин буквально за месяц до выборов, стал искать новую стержневую составляющую всей избирательной кампании. Он ни в чем не противоречил тому, что уже было сделано. Он лишь иначе расставлял акценты.

Нельзя не признать некоторое изящество этой работы. Импульсивный, эмоциональный Собчак мог говорить утром одно, а вечером – что-то совершенно противоположное. Причем оба эти утверждения казались сомнительными. Путин накануне говорил одно, сегодня – дру-

гое, но и то и другое было правдой. Путин просто каждый раз чего-то не договаривал, оставляя и себе, и своему шефу возможность для маневра.

Теперь они говорили то, что хотел слышать народ. Собчак видел будущее Петербурга как банковской и туристической столицы. И именно Путин, кстати, очень много сделал в этом направлении. Первый в России иностранный банк – BNP-Drezdner Bank (Rossija) – появился в Петербурге. И привел его туда благодаря старым немецким связям Путин.

Но Петербург – это не только Медный всадник. Это такие гиганты военно-промышленного комплекса как «Светлана», Кировский, Ижорский заводы, ГИПХ, ГОИ, ЛОМО, «Электросила». Все они в первой половине 90-х стояли. Людям элементарно было нечего есть. Путин не возражал против развития туризма в Петербурге, но говорил, что возрождать нужно в первую очередь промышленность, в том числе работающую на «оборонку». То, что усилиями одной мэрии реанимировать военно-промышленный комплекс Петербурга невозможно, оставалось, разумеется, за кадром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.